

Герцогам, так же как генералам, дворецким и иным ответственным лицам, категорически запрещается заниматься какой-либо полезной работой на глазах окружающих. Герцоги, а также генералы, дворецкие и иже с ними ничего никогда не делают сами. Иногда, в случае досадной недогадливости тех, кто ниже герцога в табели о рангах, герцог может озвучить свое желание и отдать соответствующее распоряжение. Притом что герцогу не следует *слишком* злоупотреблять даже такого рода деятельностью, ему абсолютно необходимо добиться от всех прочих ясного понимания того, как им следует вести себя с титулованными особами самого высокого ранга.

Таким образом, герцог может делать все, что он пожелает, путем ничегонеделания.

«Энциклопедия этикета для герцога»

Глава 1

На дне бутылки из-под бренди

*На последнем (третьем) участке пути ко дну бутылки
(еще на треть наполненной бренди)*

Спальня герцога

Лондон, 1840 год

Маркус недовольно скривился при виде свидетельств недавнего буйного кутежа в бальном зале, который им лично никогда не использовался по своему прямому назначению, а именно для проведения банкетов, балов или иных светских мероприятий.

Рядом с хаотично расставленными стульями, прямо на полу валялись пустые бутылки из-под бренди. В том же художественном беспорядке, и не только на полу, но и на стульях и прочей мебели, были

разбросаны разнообразные предметы дамского туалета, включая корсет, надетый на бронзовый бюст одного из очень мужественных и суровых предков Маркуса. Тарелки с остатками еды стояли неубранными, и один из котов, не пожелавший покинуть помещение, вернее сказать, у которого не хватило духу его покинуть, деликатно подьедал то, что пришлось ему по вкусу, в то время как второй кот настойчиво терся о скрещенные лодыжки Маркуса.

— Так ты, кажется, говорил о том, как трудно быть герцогом?

Подчеркнуто нейтральный, без намека на заинтересованность тон Смитфилда мог засушить кого угодно и что угодно. По своей сухости он мог сравниться только с сухостью в горле Маркуса. Впрочем, Маркус знал, чем излечить этот недуг.

Он осушил бокал, после чего, глядя на Смитфилда, попытался придать своему лицу выражение крайней степени досады. Нельзя сказать, что лицевые мышцы вполне справились с поставленной задачей. Смитфилд был одним из двух приятелей Маркуса, с которыми он познакомился сравнительно недавно. Второй его собутыльник, Коллинз, устроившись на диване, крепко спал, накачавшись бренди — тем самым, что принадлежащая Коллинзу судоходная компания регулярно завозила на Туманный Альбион из солнечной Франции. Сам Маркус уснул раньше Коллинза и, проснувшись, чувствовал себя уже почти трезвым.

— И тебе мои доводы представляются нелепыми, — хмуро констатировал Маркус, но, перехватив ироничный взгляд Смитфилда, невольно улыбнулся. — Ты прав. Мне грех жаловаться на судьбу. Я герцог, у меня нет финансовых проблем, я не женат, здоров как бык

4 и могу делать почти все, что захочу.

— Ключевое слово тут — *почти*. Или я не прав? — сказал Смитфилд, заполнив затянувшуюся паузу.

— Герцог обязан обзавестись наследником. А для этого он должен жениться на девице с подходящей родословной, которая будет исправно рожать ему сыновей. С запасом, что называется. Плодиться и размножаться — вот главное предназначение носителя титула. Словно у племенного быка. Когда я об этом думаю, мне хочется затянуть вот этот корсет вокруг горла и свести счеты с жизнью, — печально сказал Маркус, кивнув на бюст предка. — Мало того, что я вынужден вести жизнь, к которой никогда себя не готовил, мне еще придется жить бок о бок с женщиной, которую я в лучшем случае буду слегка недолголюбить, а в худшем — ненавидеть всеми фибрами души.

— Ужасная перспектива, — все тем же скучающим тоном заметил Смитфилд. — Ты должен жениться и вести презренную жизнь герцога, в то время как ты мог бы... Кстати, а что ты делал полгода назад, до того, как унаследовал титул? Или даже так: что бы ты хотел делать, если бы мог?

«Я бы хотел исчезнуть. Уехать на край земли. Чтобы быть свободным. Свободным от любых забот и обязательств».

— Я раньше много гулял. Ну да, я люблю ходить пешком. Долгие прогулки делают меня почти счастливым. — Маркус отдавал себе отчет в том, что он никогда бы не признался в своей любви к прогулкам, если бы не выпил столько бренди. Как бы там ни было, он все еще надеялся, что ему повезет, и завтра ни он сам, ни Смитфилд уже не вспомнят об этом жалком крике души.

И провалу в памяти они будут опять-таки обязаны бренди из трюмов кораблей Коллинза.

— Выходит, до того, как стать герцогом, ты любил ходить пешком?

Тон Смитфилда изменился. В нем появились нотки, смахивающие на легкую заинтересованность. Словно он понял, что Маркус говорил о почти... сокровенном. Даже если Смитфилд догадывался о том, что Маркус сказал не вполне то, что хотел сказать. Но ведь Смитфилд не мог догадаться о том, что *конкретно* хотел сказать Маркус, потому что для того, чтобы об этом догадаться, надо знать, что может сделать Маркуса счастливым. Маркус точно знал, что ни пьянство, ни азартные игры, ни блуд счастливым его не сделают. Еще до того, как вступить в наследство, он экспериментальным путем выяснил, что пьянство не приносит ему удовлетворения, как, впрочем, и азартные игры, и блуд. Маркус путешествовал по миру, и в разных странах он пил, играл и блудил и по возвращении в Лондон обнаружил, что в собственном доме пить, играть и блудить немного приятнее просто потому, что в гостях хорошо, а дома лучше.

Если не брать в расчет отменное качество бренди и мягкий роскошный мех унаследованных вместе с титулом котов, к которым он, кажется, уже привязался, Маркус не находил в новом статусе никаких преимуществ.

— Да, я любил ходить пешком, — ответил Маркус и поднял взгляд на Смитфилда. Тот уже отключился и храпел. Маркус покачал головой, осушил бокал и наклонился, чтобы почесать под подбородком черно-белого кота. Кота, похоже, гораздо больше общения с хозяином интересовала еда. Итак, общаться Маркусу было не с кем, разве что с самим собой. Привычная ситуация. «Все лучше, чем вынужденно общаться с теми, от кого с души воротит», — привычно утешил себя Маркус.

— Я раньше постоянно гулял, гулял один, и никто меня не искал, и никто за меня не волновался, и никому не было до меня никакого дела, — сказал

Маркус, обращаясь к коту, которому не было никакого дела до Маркуса. Коты, приобретенные прежним герцогом, прилагались к титулу и были, по мнению Маркуса, куда ценнее самого титула. Он налил себе еще немного бренди из запасов Коллинза, но пить не стал. — Гулял, пока отец не запретил мне бродить по окрестностям, потому что, как он сказал, «то, что позволено бродяге, не позволено джентльмену, даже если он не наследник». — Маркус сделал маленький глоток. — А потом отец умер и брат умер, и когда умер герцог, первым в очереди внезапно оказался я. А ведь я едва знал покойного. И вот я здесь, живу в его доме, владею его титулом, его котами и трачу его деньги. — Ком в горле мешал Маркусу дышать. — Все это словно и не мое. Я не чувствую себя здесь своим. — Он грустно вздохнул. — Хотя, если на чистоту, я нигде себя своим не чувствую.

Кот, мудрое создание, уже спал.

Был ли причиной внезапной смены настроения вчерашний (и уже сегодняшней) бренди или что-то иное, но только вселенская грусть как-то слишком стремительно сменилась раздражением и даже злостью. Маркуса ужасно раздражало отсутствие ясности в самом главном: он не знал, чего хочет от жизни.

Но зато он точно знал, чего *не хочет*. Он не хотел, чтобы эти двое спящих мужчин продолжали спать в его бальном зале. Людей — вон, а коты пусть останутся.

— Вставай, — громко сказал Маркус и, подойдя к Коллинзу, ткнул его пальцем в грудь. Коллинз нахмурился, отмахнулся от пальца Маркуса, словно от назойливой мухи, и вывел особенно звучную и крайне неприятную на слух руладу.

Маркус ткнул Коллинза во второй раз, но только уже не в грудь, а в мягкий толстый живот.

Коллинз рывком сел, скинул ноги с дивана и нервно подскочил. Стук каблуков о паркет эхом пронесся по залу.

— Я встал, — доложил Коллинз, озадаченно поглаживая себя по волосам. — Что происходит? Смитфилд умер?

Маркус бросил взгляд на Смитфилда. Тот пока дышал.

— Вроде жив, — сказал Маркус. — Но вы оба должны уйти.

Маркус уже успел по достоинству оценить одно из преимуществ герцогского титула. Герцог не обязан никому ничего объяснять. Слово герцога — закон, а законы, как и приказы, не обсуждают. Герцогу достаточно сказать: «Вы должны уйти». Или, скажем, среди зимы: «Я хочу клубники». Или еще: «Переставьте мебель во всем доме». Он пока не требовал клубники среди зимы и полной перестановки мебели в доме тоже, но сознание того, что такого рода возможности перед ним открыты, грело ему душу.

Последнее из перечисленных выше пожеланий он берег на самый черный день.

— Ты кого-нибудь ждешь? — спросил Коллинз. По всей видимости, он не понимал, что герцог не обязан ни перед кем отчитываться. Маркус не стал затруднять себя ответом на вопрос, он просто подошел к дивану, на котором спал Смитфилд, и ткнул его в живот. Живот у Смитфилда был плоским и твердым, но эффект оказался таким же, как и в случае с Коллинзом: Смитфилд сел, спустив ноги на пол, и заморгал в недоумении. Волосы его торчали в разные стороны в вопиющем противоречии с законом всемирного тяготения.

— Вон.

Смитфилд кивнул, посидел немного, тупо уставившись в пол, затем встал и, покачиваясь, на-

правился к дивану, возле которого по стойке «смирно» стоял Коллинз.

Окинув Маркуса холодным взглядом, Смитфилд, глядя прямо в глаза собеседнику, спокойно сказал:

— Надеюсь, вы найдете то, что ищете, ваша светлость.

Смитфилд не стал дожидаться ответной реплики, и это к лучшему, ибо у Маркуса не было в запасе подходящего ответа. Потому что, если бы даже Маркус знал, как на это ответить, ему пришлось бы промолчать, если он действительно хотел избавиться от общества своих вчерашних собутыльников. Как бы там ни было, Смитфилд взял Коллинза под руку и повел к двери.

Но не успели они выйти, как раздался громкий стук в дверь.

«Кого еще принесло?»

— Войдите, — сказал Маркус, стоя спиной к двери. Коты стучать в дверь не умеют, а больше никого он видеть не желал.

Когда же он стал брюзгой? Как ни странно, у него был ответ на этот вопрос. Ему было лет восемь, когда он, случайно подслушав отца, узнал, что его родитель глубоко сожалеет о том, что он, Маркус, мало похож на брата.

С тех пор прошло двадцать лет — больше чем достаточно, чтобы забыть обиды. К тому же ни отца, ни брата уже не было в живых. Все так, но только с годами боль не притупилась.

Маркус услышал, как открылась дверь, как прочистил горло дворецкий. Вот это уже кое-что. Если Томпсон прочищает горло, значит, на то есть очень веская причина. Заинтригованный Маркус обернулся и застыл с открытым ртом.

Причина покашливания Томпсона была налицо. Весьма любопытная причина.

Девочка. Маленькая девочка с темными волосами, в грязном платье и с огромными глазами. Никогда прежде не видел он людей с такими большими глазами, как у этой девочки. Он смотрел на нее, и она смотрела на него.

— Это Роуз Досет, — объявил Томпсон.

— Вон, — тотчас сказал Маркус, но, увидев, как Томпсон потянул девочку за руку, собравшись увести ее из этой комнаты бог знает куда, поморщился и, кивнув в сторону двух своих собутыльников, не отводя от девочки взгляда добавил: — Это я не вам, а им сказал.

Девочка продолжала во все глаза смотреть на Маркуса.

Смитфилд и Коллинз спешно покинули помещение, сбив по дороге всего одну полупустую бутылку. Под мерную капель из бренди Маркус и девочка молча рассматривали друг друга.

Томпсон во второй раз деликатно покашлял, прежде чем сказать:

— Ваша дочь, ваша светлость.

Лицо у девочки было относительно чистым. По крайней мере, по сравнению с ее платьем. Что касается сложения, девочка выглядела худощавой, но не худосочной. А лицо ее словно состояло из одних только не по-детски серьезных глаз, которые смотрели на него в упор.

У Маркуса сладко засосало под ложечкой — полузабытое ощущение сродни светлой грусти. Или как бывает во сне, когда ты знаешь, что тебе надо срочно что-то сделать, но никак не можешь вспомнить, что именно. Но от него не требовалось никаких действий. Он в своем теперешнем статусе мог делать все, что захочет.

Он и не предпринимал ничего, что не мешало ему злиться на себя из-за собственного бездействия.

10 Отчего же раньше он мог ничего не делать, не

испытывая при этом никаких угрызений совести? С тех пор как он закончил учиться, никто никогда ничего от него не требовал. Тогда почему сейчас ему было не по себе?

Маркус попытался мысленно встряхнуться, и вдруг до него дошло, что все то время, что он смотрит на девочку, девочка смотрит на него и пытается разгадать его намерения. И, вполне возможно, со страхом ждет, что он сейчас прогонит ее точно так же, как прогнал тех двоих у нее на глазах. Хотя, возможно, она ни о чем таком не думала и все это Маркус придумал себе сам, потому что знал, что совесть его нечиста.

Он уже встречал похожий взгляд. Так иногда смотрят на него коты.

Но...

— Вы сказали Досет? — уточнил Маркус, по-прежнему не отводя глаз от девочки.

— Досет, ваша светлость, — подтвердил Томпсон.

— Ее мать... Ее мать... — Маркус замолчал, словно ему было неловко поминать мать в присутствии ее дочери.

В ее молчаливом, неподвижном, угнетающем присутствии.

Фиона Досет. Маркус с трудом вспомнил ее имя.

Она забеременела, когда они были любовниками, и Маркус распорядился насчет содержания на ребенка. Он даже не потрудился поинтересоваться, какого пола его отпрыск. Сказать по правде, он не хотел ничего знать о нем или о ней.

Внезапно при виде этой маленькой молчащей девочки его тогдашнее равнодушие представилось ему порочным, даже преступным.

— Прикажете отправить ее в голубую спальню? — спросил Томпсон, словно его дочь была

ненужным хламом, который надо срочно убрать с глаз долой. И в этом была своя горькая правда.

Девочка... Роуз... крепко зажмурилась, когда Томпсон задал свой вопрос. Маркус почувствовал теснение в груди. Этот ее взгляд... Он был ему знаком. В детстве, глядя в зеркало, он не раз встречал тот самый потерянный взгляд, хотя лицо его обычно бывало значительно чище.

Этот взгляд говорил: «Я не нуждаюсь ни в любви, ни в участии, потому что здесь никто меня не любит». Потому что здесь никому нет до меня дела.

Хотя, возможно, он всего лишь вложил в голову этой девочки свои мысли, а она думала совсем о другом.

— Нет, не сейчас. Не отводите ее в голубую спальню сейчас, — ответил Маркус, пытаясь смягчить тон. Ему никогда прежде не приходилось проделывать подобную процедуру с собственным голосом, и отсутствие опыта сказалось на результате. — Мы с мисс Роуз будем пить чай во втором салоне. — С этими словами он протянул девочке руку, и она, пусть не сразу, вложила свою маленькую ладошку в его ладонь. И в этот момент Маркус почувствовал, что на него... сошла благодать?! Осталось только понять, что это такое и что с этим делать.

Частное агентство по найму элитного домашнего персонала объявляет об открытии офиса в доме номер сто тридцать пять на Плам-лейн и приглашает всех желающих воспользоваться предоставляемыми услугами.

Агентство осуществляет посредничество между заслуживающими доверия домашними работниками любой специализации и нанимателями, которым срочно требуется помощь по дому. Мы специализируемся в подборе камеристок, дворецких, экономок и гувернанток. Агентство по найму элитного персонала принадлежит группе благовоспитанных дам, которые имеют четкое представление о нуждах и желаниях элиты.

Мы называемся элитным агентством, но служим всем слоям общества.

«Энциклопедия этикета для герцога»

Глава 2

Прикрепленный к двери колокольчик зазвенел, оповестив Лили о том, что в офис, где она уже три часа, не разгибаясь, корпела над бухгалтерскими книгами, пришел посетитель. Лили встала и потеряла затекшую спину. Три совладелицы агентства дежурили в конторе по очереди, заодно занимаясь делопроизводством и бухгалтерией, и сегодня была очередь Лили.

Дела у них с самого начала пошли неплохо. К слову сказать, они открылись всего пару месяцев назад и снабжали работой (и время от времени подложными рекомендательными письмами) женщин с, так сказать, сомнительным прошлым. За время, прошедшее с открытия агентства, им удалось удачно пристроить целых шесть молодых женщин с подмоченной (по разным причинам) репутацией. Лили и ее партнершам

было не понаслышке известно, как подмоченная репутация снижает шансы на получение достойной работы с приличным заработком, и потому их бизнес помимо прибыли приносил своим хозяйкам еще и моральное удовлетворение, что, как известно, случается нечасто.

Открыв дверь, Лили увидела на пороге молодого человека в ливрее лакея. Визитер смерил ее презрительным взглядом и, не удосужившись пройти внутрь, протянул сложенный вчетверо листок бумаги.

— Велено передать тому, кто предоставляет гувернанток, — презрительно процедил посетитель.

Лили развернула листок и принялась читать, и уже к концу второго предложения (которых и было всего два) глаза у нее полезли на лоб.

«Срочно требуется гувернантка. Соискательниц на должность посылайте к герцогу Резерфорду, в Мейфэр».

Лили, не веря своим глазам, перечитала записку раз, потом другой.

Неужели настоящий герцог решил прибегнуть к услугам их агентства?! До сих пор самым «элитным» из клиентов их элитного агентства был внучатый племянник барона. Но что такое внучатый племянник барона по сравнению с герцогом? Все равно что крысолов по сравнению с бароном! Удача сама плыла им в руки. Если герцог останется доволен их работой, агентство станет элитным не на словах, а на деле, со всеми вытекающими последствиями, в том числе и финансовыми. Работы точно прибавится, и они смогут удачно пристроить всех тех несчастных женщин, что приходят сюда в поисках приличного места. Владелицы агентства и мечтать не могли о таком чуде.

Но нельзя поддаваться эмоциям. Вообще-то Лили не была склонна к авантюрам, но понимала, что сейчас риск оправдан как никогда. Хочет она того или нет, придется выйти из тени, куда ее в свое время загнали обстоятельства. Лили, в отличие от своего родителя, была и разумной, и ответственной, и совсем не хотела испытывать судьбу. В свое время отец ее из-за пагубной любви к риску оставил семью без гроша. Но она не станет думать об этом сейчас, не станет вспоминать, как страдала, как опустила руки и как, словно свеча, растаяла ее мать.

Отец рисковал потому, что ему это нравилось, но она, Лили, не такая. Если она и прибегнет к риску, то не ради азарта, а из-за осознанной необходимости. Как раз сейчас подходящих кандидатур на должность гувернантки у агентства не было, но она не имела права упустить шанс, который дается раз в жизни. Значит, придется рисковать. Придется принять удар на себя.

— Я жду, — недовольно напомнил ей лакей.

Ах да, кажется, она слишком много думает, и, похоже, избавиться от этого недостатка ей никогда не удастся.

Лили стремительно обернулась к лакею, прижимая к груди листок, словно боялась, что его отнимут.

— Вам не придется ждать. У меня есть идеальная кандидатура. Она придет по указанному адресу через полчаса.

Лили не видела необходимости сообщать этому снобу в лакейской ливрее о том, что идеальной кандидатурой является она сама.

И только убедившись в том, что дверь в офис плотно закрыта изнутри, Лили принялась бегать вокруг стола, размахивая над головой запиской герцога и визжа от радости.

Педантичная и сдержанная Лили, каким-то образом уживавшаяся в одном теле с той Лили, что сейчас вприпрыжку скакала по комнате, была в ужасе.